

УДК 2-591

<https://elibrary.ru/quibcc>

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
РЕВОЛЮЦИИ В ПРОЗЕ М. А. БУЛГАКОВА
1920-Х ГОДОВ: ДУХОВНАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА И ХРИСТИАНСКИЕ
МОТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА
«БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»)**

Священник Евгений Михайлович Дынич
аспирант кафедры филологии
Московской духовной академии
141300, Россия, Московская область,
г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра,
Московская духовная академия
E-mail: radtel@rambler.ru
ORCID: 0009-0007-5692-8376

Для цитирования: Дынич Е. М., священник. Художественное изображение революции в прозе М. А. Булгакова 1920-х годов: духовная проблематика и христианские мотивы (на примере романа «Белая гвардия»). DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_225. EDN: QUIBCC // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 225–243.

Аннотация

В статье рассматриваются христианские мотивы, выстраивающие художественное изображение событий революции и гражданской войны в прозе М. А. Булгакова 1920-х годов. Объектом исследования являются избранные произведения писателя о трагических событиях русской истории первой трети XX в., в частности проанализирован роман «Белая гвардия». Литературоведческий анализ булгаковских произведений показал, что характерной чертой творчества писателя-«мистификатора» является обыгрывание современных сюжетов с помощью библейских мотивов. Внимание автора статьи сосредоточено на апокалиптической мифе и изображении духовного пути центральных героев романа «Белая гвардия». Используя иносказание, абсурд, иронию, сатиру, литературную игру, Булгаков зашифровал в своем произведении духовную трагедию общества.

В заключении сделан вывод о том, что с помощью апокалиптических цитат и аллюзий Булгаков показывает крушение миров разного масшта-

ба: личный и семейный «апокалипсис» героев (Турбиных); локальный, российский, исторический (революция) и метаисторический (всечеловеческий, окончательный). По мнению автора, постоянная амбивалентность символов и мифологем в булгаковских произведениях не допускает однозначного прочтения финала романа, а обращение к христианским мотивам в изображении революционных событий обусловлено: 1) непреодолимой тоской по разрушенному прежнему укладу жизни и ассоциированием нового порядка с действием темных сил; 2) личной ответственностью человека за деяния в революционной стихии; 3) вопросами веры, вечной жизни и воздаяния на Страшном суде, возникающими в кризисные моменты земного бытия.

Ключевые слова: М. А. Булгаков; Белая гвардия; рассказы и повести 1920-х гг.; христианская традиция в русской литературе; библейские мотивы; апокалиптический миф.

Введение

Данная статья продолжает цикл работ, посвященных библейским мотивам в изображении революции в русской прозе 1920-х гг. [1; 2].

М. А. Булгаков воспринимается массовым читателем в первую очередь как автор «загадочного», «мистического» романа «Мастер и Маргарита», как великий сатирик, «мистик» и «мистификатор». Но и при более пристальном взгляде на его творчество исследователя не оставляет чувство невозможности разгадать сложный булгаковский художественный код, сходу приблизиться к пониманию авторской позиции. Очевидно, что поверхностные суждения ведут к искажениям и примитивным трактовкам, что, в случае с Булгаковым, может оказаться особенно соблазнительным и доступным в силу его самобытного мифотворчества и особенного умения изображать зло. Эту проблему осветил Д. В. Макаров, по словам которого в искаженном прочтении итогового романа Булгакова отразилась *«трагедия общества, потерявшего за годы безбожия духовную зоркость»*, ведь *«практически никто, за небольшим исключением, не смог почувствовать авторскую иронию и все восприняли булгаковскую пародию всерьез: одни как идеал для подражания, другие как сознательное кощунство писателя»* [3, с. 4–5]. Слова «пародия» и «тонкая мистификация» [3, с. 5] можно отнести, конечно, не только к последнему, знаменитейшему роману Булгакова,

но и к более ранним его произведениям, в которых были заложены и проявлены основы творческого метода и поэтики Булгакова. Невозможность прямого высказывания (а Булгаков испытал это на себе сполна) порождает необходимость к сложной «шифровке» смыслов – появляются иносказание, абсурд, ирония, сатира, литературная игра. Тем не менее Булгаков, при всей сложности своего положения, все же не мог не сделать литературного высказывания о русской революции и гражданской войне: болезненная и страшная тема «17-го незабываемого года» [4, с. 71] неоднократно возникает и в его прозе («Белая гвардия», рассказы), и в драматургии («Дни Турбиных», «Бег»). Одной из характерных черт творчества Булгакова является обыгрывание современных сюжетов с помощью библейских мотивов.

Библейские мотивы в творчестве М. А. Булгакова неоднократно привлекали внимание исследователей. Тема эта в литературоведении не является *terra incognita*. Однако нам представляется небезынтересным сосредоточиться именно на изображении революции и гражданской войны в контексте христианской традиции и духовной проблематики. Таким образом появляется возможность выявить некоторые особенности художественной историософии Булгакова, его личного и творческого взгляда на трагические события русской истории первой трети XX в., современником и участником которых он был. Важным нам кажется также увидеть данные произведения Булгакова в контексте других образцов русской прозы о революции, созданных в то же время. Данный подход дает возможность с христианских позиций взглянуть на трагический момент русской истории в его связи с развитием русской литературы и религиозной мысли. Углубление знания в этой сфере может открыть новые перспективы в преподавании истории русской литературы и воспитании духовной зоркости читателя.

Основная часть

М. А. Булгаков в романе «Белая гвардия» (1924) выбрал ретроспективный взгляд на события и четко обозначил это в первых словах повествования, похожих на эпический зачин: «*Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-ый, от начала же революции второй...*» [5, с. 9].

Многие исследователи творчества М. А. Булгакова отмечали доминанту эсхатологического мифа в его поэтике. Данная тема была изучена в двух современных исследованиях: это диссертации В. А. Кохановой [6] и О. А. Орловой [7].

В работе В. А. Кохановой главной целью является «расшифровка православного кода» Булгакова в романе «Белая гвардия», и в этой связи обоснованно констатируются принадлежность «Белой гвардии» к типу «рождественского текста» и эсхатологизм хронотопа в романе, где пространственно-временной континуум подвержен кардинальным изменениям в свете наступления «начала конца» [6].

О. А. Орлова исследует эсхатологические мотивы в двух булгаковских романах на двух уровнях художественного текста – образном и сюжетно-композиционном. В первой части второй главы [7, с. 89–169] выделены и проанализированы основные апокалиптические образы в художественном мире «Белой гвардии» и «Мастера и Маргариты» – астральные символы, символы природных стихий, тоска, тьма, туман и дым, дом, революция и война, антихрист. Во второй части второй главы рассматриваются сюжетно-композиционные особенности романов как воплощение эсхатологической парадигмы в творчестве Булгакова [7, с. 189–209].

В обеих диссертациях утверждается мысль о структурной последовательности воплощения Булгаковым христианского эсхатологического мифа в романах «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита». Один из итогов данных исследований – предложение нового жанрового термина для изучаемых произведений: В. А. Коханова определяет жанр «Белой гвардии» как «эсхатологическую эпопею» [6]; О. А. Орлова предлагает называть «Белую гвардию» и «Мастера и Маргариту» «романами-апокалипсисами» [7, с. 215].

Для романа «Белая гвардия» особенно характерна и важна включенность произведения не только в контекст мировой истории христианства, его громадного идейного и образного поля (как это можно было бы сказать про роман «Мастер и Маргарита»), но в контекст восточнославянского Православия и его значения для истории российского государства. К этому «обязывает» само место действия – Город, тождественный реальному Киеву, древней «матери городов русских» [5, с. 21], одному из центров древнерусского государства, с которого начались история христианской Руси, её письменность, культура, историософия. В романе на это указы-

вают символы-топосы начала исторического существования Руси, её государственности и Православия – памятник крестителю Руси князю Владимиру, древнейший собор святой Софии, великий «старик-река» Днепр [5, с. 48]. Сам эпический «зачин» романа («*Велик был год и страшен год <...> Был он обилён летом солнцем, а зимой снегом...*» [5, с. 9]) отсылает читателя к киевской древности, времени создания летописных сводов, «Повести временных лет», вообще ко всему «первому» на Руси – городам, князьям, воинам, летописцам, святым, подвижникам. Точка отсчёта истории «*по Рождестве Христовом 1918-й*» – также продолжение древнерусской летописной традиции вписывать события истории своей страны в цепь событий Священного Писания. Таким образом, Булгаков задаёт в своём романе хронотоп «русского мира» – с его собственными историей, пространством, символикой, культурными и нравственными вершинами и падениями.

О значении второй точки исторического отсчёта («*от начала же революции*») В. А. Коханова справедливо сказала, что её можно назвать началом «*апокалиптического счёта*» времени [6] – эпохи близкого к финалу разрушения прежнего мира, то есть локального, русского «конца света». Если рассматривать сопоставление этих двух точек отсчёта в данном ключе, то революция, с одной стороны, как бы вымещает, заменяет в этой «новой», пореволюционной эре рождение Иисуса Христа: если Рождество – приход в мир Бога, воплощение Его благоволения и человеколюбия, то революция – приход в мир чего-то обратного, противоположного. Противоположность Христу – антихрист. Противоположность эсхатологической надежде на спасение – эсхатологический страх перед осуждением на Суде Божиим, Страшном суде, тема которого пронизывает весь роман, начиная уже со второго эпиграфа: «*И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...*» (Откр. 20, 12).

С другой стороны, в тексте романа эти две системы отсчёта даны параллельно, а многочисленные отсылки к Апокалипсису и великим русским романам (эпиграф из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, упоминание «Бесов» Ф. М. Достоевского) подтверждают, что для Булгакова с началом революционного счёта времени ход Священной истории и истории России не прекращается. Однако если у Божьего замысла есть конечная цель, *эсхатон* (греч.), то человеческая история, с точки зрения Булгакова, циклична. На земле

ничего подлинно нового не происходит, «русскому бунту» суждено повторяться, и Булгаков показывает его как очередной земной образ эсхатологического конца человеческой истории и Страшного суда.

Итак, мы видим, что уже в первых строках романа в один узел связываются события русской (и, косвенно, мировой) истории и важнейшие мифологемы христианского представления о последовательности событий истории отношений Бога и человека (Рождество Спасителя, Распятие, Воскресение, пришествие Антихриста, Страшный Суд). Для христианина эта последовательность устремлена к вечности, к Царству Божию. Таким образом, революция осмысливается как один из труднейших, страшнейших и опаснейших этапов на этом пути не только для всей страны, но и для каждой человеческой души.

Мы сделали оговорку «для христианина», поскольку естественным в контексте исследований христианских апокалиптических мотивов в творчестве Булгакова является вопрос о религиозных взглядах писателя. В отношении М. А. Булгакова этот вопрос едва ли может быть решён однозначно. По словам М. О. Чудаковой, Булгаков *«почти не оставил прямых высказываний на важные для каждого биографа темы – от политических до религиозных... Все, что относится к тому, что называют взглядами человека, биографом Булгакова должно реконструироваться только по косвенным данным»* [8, с. 9].

Нам было бы интересно изучить на материале «Белой гвардии» особенности использования Булгаковым христианских мотивов в создании художественного произведения о русской революции. Основная причина такого интереса заключается в прочной и «открытой» связи романа с христианской традицией в соединении с другой характерной чертой поэтики Булгакова – его «индивидуальным» мифотворчеством [7, с. 32–36, 50, 212–214]. С исчерпывающей полнотой Б. М. Гаспаров изучил «амбивалентный и парадоксальный характер евангельских ассоциаций» у Булгакова [9, с. 95].

Обширное цитирование Откровения и активное введение библейских аллюзий на всех уровнях текста говорит о том, что Апокалипсис и христианская эсхатология в целом играют в романе значительную роль: «...для романа “Белая гвардия” Апокалипсис является, в сущности, основным метасюжетом» [9, с. 101].

Эсхатологическая тема и непосредственно текст Откровения Иоанна Богослова присутствуют в тексте эксплицитно, в прямых и скрытых цитатах, причем эти цитаты поставлены в сильную позицию текста: первая («*И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...*» (Откр. 20,12)) служит вторым эпиграфом, вторую («*Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь*» (Откр. 16:4)) в финале первой главы читает герой романа, отец Александр. В финальных главах романа читателем Апокалипсиса выступает больной сифилисом раскаявшийся поэт (в прошлом футурист-богоборец) Русаков [5, с. 243–245, 255]. Таким образом, текст Откровения Иоанна Богослова является частью рамочной конструкции, оформляющей кольцевую композицию романа.

Выбор именно этих фрагментов из Откровения задаёт основные категории, в которых Булгаков осмысляет русскую революцию: это предопределенность, детерминированность людскими поступками («*судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими*»), стихийная разрушительность (образ метели) и жестокость, кровавость, а также наступление новой, апокалиптической эры. Данная мотивная структура характерна для всего контекста русской литературы о революции (вспомним поэму А. А. Блока «Двенадцать»). Таким образом, революция и гражданская война в романе Булгакова предстают как исторически детерминированные процессы раскрепощения в каждом человеке и в целом обществе стихийных сил, уничтожающих старый мир, положительный образ которого в романе представляет биографически близкий автору образ дома Турбиных с его накрахмаленными белыми скатертями, любимыми и великими книгами, кремовыми шторами, рождественской ёлкой и горячей печью.

Кровавость революционных событий в романе соотносится с эсхатологическим видением последних язв и казней – гнева Божия на грешников, что также является одним из аспектов осмысления эсхатологического мотива Страшного суда. Этот мотив является особенно важным для «Белой гвардии». Страшный суд обнажает духовную суть человека – революционный хаос делает то же самое с героями романа. Одни, подобно Тальбергу и гетману, в страхе за свою жизнь предательски бегут из Города, другие, как полковник Малышев, понимают обреченность Белой гвардии в схватке

с Петлюрой и стараются сохранить жизнь юнкеров и офицеров, распустив их по домам, трети героически погибают в неравном бою, как полковник Най-Турс.

Мотив разоблачения, суда и расплаты за грех звучит отчетливо с первых глав романа. Разрушение благополучного и сытого цивилизованного устройства жизни коррелирует с апокалиптическим падением «Вавилона, города крепкого» (Откр. 18, 10). В описании бегства в Город обитателей двух столиц, Москвы и Петербурга, и всей «неестественной» жизни Города в пореволюционные годы устойчива семантика порочности и разврата: *«Бежали седоватые банкиры со своими женами, бежали талантливые дельцы, оставившие доверенных помощников в Москве, которым было поручено не терять связи с тем новым миром, который нарождался в Московском царстве, домовладельцы, покинувшие дома верным тайным приказчикам, промышленники, купцы, адвокаты, общественные деятели. Бежали журналисты, московские и петербургские, продажные, алчные, трусливые. Кокотки. Честные дамы из аристократических фамилий. Их нежные дочери, петербургские бледные развратницы с накрашенными карминовыми губами...»* Предсмертное разложение пронизывает все сферы русского общества, объятых страхом потери безопасности и комфорта, страхом смерти. На этом фоне усиливается жажда земных удовольствий, в Городе происходит настоящий «пир во время чумы». Похожую картину жизни русского общества накануне 1917 года и в революционное время мы находим у многих поэтов, прозаиков и мыслителей рубежа XIX–XX вв. – А. А. Блока, А. А. Ахматовой, В. В. Розанова, А. Ремизова, И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Тэффи и др.

М. А. Булгаков устраняет из своего романа однозначность распространенной тогда оценки революции как конца света – согласно Евангелию, никто, кроме Бога, не знает о времени его наступления, поэтому все проявления народной эсхатологии Булгаков изображает в комическом или трагикомическом ключе. Однако это не умаляет значимости самой книги Апокалипсиса для автора и художественного мира его романа. Как уже было сказано, цитаты из Откровения поставлены в сильные позиции текста, обрамляют произведение: они находятся не только в начале, но и в финале романа, где Русаков, видимо, не внявший совету доктора Турбина, читает Апокалипсис, начиная с тех самых слов о Страшном суде

(Откр. 20, 12), которые читатель видит в эпитафии. Если в предыдущем эпизоде слова Русакова о конце света воспринимались иронически, то здесь мы видим совершенно иной, возвышенный тон [5, с. 255]: *«По мере того как он читал потрясающую книгу, ум его становился как сверкающий меч, углубляющийся в тьму. Болезни и страдания казались ему неважными, несущественными. Недуг отпадал, как короста с забытой в лесу отсохшей ветви. Он видел синюю, бездонную мглу веков, коридор тысячелетий. И страха не испытывал, а мудрую покорность и благоговение. Мир становился в душе, и в мире он дошел до слов: “...слезу с очей их и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежде прошло”»* (Откр. 24, 1).

Мотив сна, включенный в семантический ряд миража, обмана, бреда, маскарада, крайне важен в структуре романа. Функционально он амбивалентен. Во-первых, как и реплики из толпы, отрывки из газет, ложные «знамения», мотив видения и сна создает образ замутненного, лихорадочного массового сознания революционного времени, работает на двойственность, недостоверность, неоднозначность повествования, часто сочетается с иронией и гротеском.

Вторая сторона воплощения мотива сна имеет несколько иной, мистико-пророческий характер, что коррелирует с мотивом тайновидения из Апокалипсиса: сны героев романа нередко поясняют сюжет и «раздвигают» его границы. Сон Алексея Турбина в 5 главе 1 части получает знаковый эпитет: *«Вещий сон гремит, катится к постели Алексея Турбина. <...> Муть... ночь... Валяется на полу у постели Алексея недочитанный Достоевский, и глумятся “Бесы” отчаянными словами»* [5, с. 59]. Этот эпизод имеет важное значение в структуре романа с точки зрения христианской проблематики, поэтому остановимся на нем.

Во сне Алексея Турбина есть явление мира небесного: спящий герой попадает в рай и беседует с его новым обитателем, своим сослуживцем по Первой мировой войне вахмистром Жилиным; видит Турбин и полковника Най-Турса, который погибнет только в 11-й главе, и неизвестного юнкера (вероятно, Николку – так читатель может догадываться о его предстоящей гибели, оставшейся за пределами фабулы). В это видение о рае Булгаков опять же иронически, через грубоватые просторечные слова Жилина (пересказ его разговора с Богом) вкладывает идею о беспристрастном, объек-

тивном, метаисторическом взгляде на происходящее, о равенстве и прощении *всех* участников страшных событий:

«Ну вот-с, я и докладываю, как же так, говорю, Господи, попы-то твои говорят, что большевики в ад попадут? Ведь это, говорю, что ж такое? Они в тебя не верят, а ты им вишь какие казармы взбодрил...

“Ну не верят, – говорит, – что ж поделаешь. Пущай. Ведь мне-то от этого *ни жарко, ни холодно. Да и тебе, – говорит, – тоже. Да и им, – говорит, – то же самое. Потому мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку. Один верит, другой не верит, а поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку, а что касается казарм, Жилин, то тут так надо понимать, все вы у меня, Жилин, одинаковые – в поле брани убиенные*”» [5, с. 66].

Мы видим, что в турбинском сне звучит идея всеобщего спасения. Важно знать, что с точки зрения догматического богословия проблема апокатастасиса является дискуссионной¹. Согласно Священному Писанию, вера в Бога имеет решающее значение в спасении человека. В Евангелии есть множество мест (Мф. 9, 22; Мк. 11, 11–16; Лк. 17, 6; Ин. 11, 25 и многие другие), которые опровергают приснившиеся доктору Турбину слова *«Ну не верят, – говорит, – что ж поделаешь. Пущай. Ведь мне-то от этого ни жарко, ни холодно. Да и тебе, – говорит, – тоже. Да и им, – говорит, – то же самое. Потому мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку»*. Таким образом, Булгаков иронически обыгрывает в данном эпизоде текст Апокалипсиса, уже прозвучавший в эпиграфе: *«и судимы были мертвые... сообразно с делами своими»* / *«...поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку»*. В событийной «реальности» романа мы неоднократно видим, как герои убивают и мучают друг друга, как гибнут невинные, слабые, незащитные. В финальной главе земля названа «грешной и окровавленной» [5, с. 256]. Так совершается земной, неправедный суд – суд человека над человеком. При этом люди все же таким образом расплачиваются за свои грехи: как уже было сказано, в романе революция осмысливается и как земное воплощение Страшного суда. словно в противовес этому, во сне уставшего от войн Алексея Турбина Бог не наказывает людей за их преступления друг против друга, но милует их как жертв их же безумия. Нам думается, что в романе Булгакова

¹ Иванов М. С. Апокатастасис // Православная энциклопедия. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 39–46.

о трагических событиях начала XX в. спорная идея апокатастасиса имеет для автора, много пережившего в это время и много впоследствии размышлявшего о нем, особенное значение. Ему важно показать наиболее убедительно, в чем заключается ужас войны и борьбы за земную власть. По Булгакову, самое страшное и губительное для человека в том, что на войне, по воле разных *властей* мира сего, он становится убийцей и жертвой одновременно – зачастую против своей воли. Это должно напомнить читателю, *«кто является главным вдохновителем и архитектором этой постройки»* – то есть гибели старого мира, революционной разрухи и гражданской войны [3], *«и тем самым разоблачить силы зла, всегда маскирующиеся в силы света»* [3].

В связи с линией доктора Алексея Турбина нужно рассмотреть еще один вектор прочтения его «апокатастасийного» сна из 5 главы: возможно, с точки зрения автора, дело не в том, что вера не имеет никакого значения для Бога и не решает участи человека в вечности, но в том, что мир с начала XX в. переживал такой кризис оскудения веры, что даже то, что люди называют верой, являлось настолько слабым ее проявлением, что не имело и капли той животворящей силы, о которой говорится в Евангелии. От такой «веры», действительно, *«ни жарко, ни холодно», «ни прибыли, ни убытку»*. Также можно увидеть в этом фрагменте отражение недоверия дворян и интеллигенции (в лице Алексея) к духовенству – такое явление действительно имело место в XIX в. и на рубеже столетий.

Разговорное выражение *«ни жарко, ни холодно»* здесь совершенно не случайно. Оно отсылает читателя к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» – ведь именно эту книгу читает (вероятно, перед своим «вещим» сном) Алексей Турбин [5, с. 59]. Герои романа «Бесы»², открыв книгу Откровения на случайной странице, читают последнее из пророческих посланий Иисуса Христа семи христианским церквям в Ассии – послание Лаодикийской церкви: *«И ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия. Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих. Ибо ты говоришь: я богат, разбогател, и ни в чем не имею*

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1974. Т. 10. С. 497.

нужды, а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3, 14–17). Как отмечает архимандрит Ианнуарий (Ивлиев), это единственное послание, в котором нет ни слова похвалы, а только упрёк в *теплохладности*, которую можно толковать как маловерие, отсутствие активного, деятельного стремления к Богу – начало духовной смерти [10, с. 79].

Одна из главных интенций автора в финале романа – напомнить о вечности миропорядка и временности всего земного. Смысл и «нерв» этого напоминания – христианский призыв человека к милосердию. Именно жестокость со стороны власть имеющих порождает в украинских мужиках главную, по Булгакову, историческую силу – «лютую ненависть» к немцам, гетману, офицерам, к Москве. Неслучайно апокалиптическая символика звезд – Марса и Венеры (ср. «звезда полынь» (Откр. 8, 10)) – проходящая через весь текст романа, наиболее жутко раскрывается в сцене жестокого убийства еврея петлюровцами: *«И в ту минуту, когда лежащий испустил дух, звезда Марс над Слободкой под Городом вдруг разорвалась в замерзшей выси, брызнула огнем и оглушительно ударила...»* [5, с. 251]. Эта страшная сцена преступления одного человека против другого также встраивается в семантические ряды, связанные с мотивом греха и расплаты за него – мотивом Страшного суда, означающим уравновешенность и высшую, неземную справедливость сотворённого Богом мироздания. Звезда небесная, «тоже пятиконечная», перекликается со звездой на груди служителя нового порядка – красноармейца. Но описание бронепоезда «Пролетарий», как и многое «земное» в романе, маркировано «адскими» эпитетами – здесь опять проявляется двойственность значения образов у Булгакова.

Б. М. Гаспаров про финал «Белой гвардии» писал следующее: «...и здесь Евангелие сливается с Апокалипсисом», так как «вифлеемская звезда, загоревшаяся в финале романа, оказывается пятиконечной». «Таким образом, остается открытым вопрос о том, что возвещает финал романа – наступление царства Божия или искупительную жертву; вернее, его смысл не предполагает ответа на этот вопрос и включает в себя симультанно обе альтернативы. Эта двойственность проявляется и в том, как использует Булгаков символы противоборствующих сторон – красную звезду и белый цвет. <...> Эти противоположные смыслы не отменяют друг друга, а сливаются в единый, комплексный образ, который

и составляет, в этой своей двойственности, истинный смысл финала романа» [9, с. 102–103].

Нам же представляется важным, что в заключительных абзацах романа восстанавливается вертикальная модель мира, и что в этом историософском обобщении звучит призыв повествователя обратиться к звездам как символам вечности, чистоты и космической закономерности ради возвращения к подлинному человеческому назначению – быть образом и подобием Божиим.

Заключение

В романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» христианские мотивы выстраивают художественное изображение событий революции и гражданской войны. Одной из наиболее важных «несущих конструкций» является христианский эсхатологический миф и текст Апокалипсиса. В романе «Белая гвардия» эсхатологическая тема развивается в двух взаимосвязанных и перекликающихся планах. Первый, более поверхностный план включает в себя ироническое изображение общественных настроений, отождествляющих революцию с последними временами и пришествием Антихриста. Второй план взаимодействия текста Апокалипсиса с художественным миром романа отражает авторское осмысление революции и гражданской войны, основанное как на христианской традиции, так и на индивидуально-художественном мироощущении Булгакова, сотканном из многих пластов (античная мифология, мировое искусство, европейская литературная классика, славянский фольклор, биографические факты).

Функция апокалиптических цитат и аллюзий в структуре романа – и идейная, и сюжетно-композиционная. Мотивы христианского эсхатологического мифа участвуют в построении сюжета «Белой гвардии» – в нем мы видим систему концентрических кругов из картин крушения миров разного масштаба: личный и семейный «апокалипсис» героев (в первую очередь Турбиных); локальный, российский, исторический (революция) и метаисторический (всечеловеческий, окончательный – тот, о котором идет речь в Откровении Иоанна Богослова). В целом «мотив Второго пришествия и конца света», как писал Б. М. Гаспаров, имеет «циклический характер» [9, с. 103], то есть повторяется в инвариантной схеме в каждом приходе новой власти в Город.

Важная особенность булгаковского романа о революции – финальное ощущение потерянности и поражения героев, отсутствия внутреннего понимания метаисторического смысла происходящего – того, на что, кажется, хотел бы уповать автор, задавая читателю последний вопрос о звездах: *«Всё пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»* [5, с. 257]. Судьба всех троих Турбиных озвучена повествователем изначально: им придется «мучиться и умирать» [5, с. 11]. И ничто не спасет их от этого – им, героям, неведом радостный и тоже по-своему эсхатологический сон маленького Петьки, их не утешает сладостное чтение «потрясающей книги», как Русакова. Единственная (как будто) надежда найти опору на развалинах прежнего мира мерцает для них в романтической любви: в финале у каждого из молодых Турбиных появляется пара (Николка – Ирина Най-Турс; Алексей – Юлия Рейсс; Елена – Шервинский; есть и пара второстепенных героев Анюта – Мышлаевский). Не нужно забывать, что эти обреченные, потерянные и страстные герои биографически, «кровно» близки автору. И он не осуждает их за непонимание или маловерие, но сочувствует им. Наиболее живая, ощутимая скорбь его – из-за разрушения их мира, мира русской интеллигентско-дворянской семьи («лучшего слоя... в стране» [4, с. 447]).

Попытки метаисторического и эсхатологического объяснения и оправдания революции, предпринятого Булгаковым в конце романа, нельзя трактовать только оптимистически. Не допускает однозначного прочтения финала и постоянная амбивалентность символов и мифологем в булгаковских произведениях. Возможно, причины этой неоднозначности и игры стоит искать в обстоятельствах жизни Булгакова – в СССР для него было невозможно прямо высказывать свою позицию. В связи с этим следует сказать, что в романе «Белая гвардия» намечается важная для всего булгаковского творчества тенденция к созданию искусной и сложноорганизованной пародии на современную автору пореволюционную действительность, в полной мере воплощенной позже в сатирических повестях и романе «Мастер и Маргарита».

В ходе работы мы пришли к заключению, что наиболее важные и «болезненные» точки в обращении Булгакова к христианским мотивам в романе «Белая гвардия» и других его произведениях о революции таковы:

1. Ощущение безысходной тоски по разрушенному дому, то есть по мирному, счастливому, достойному, красивому, безбедному существованию на родной земле вместе с любимыми людьми. Это тоска по лучшим проявлениям христианской культуры и цивилизации. Разрушение старого мира и построение нового в произведениях Булгакова связывается с действием дьявольских сил.

2. Тема личной ответственности человека во время крушения прежнего мира. Поиск достойного, героического выхода из данного конфликта. Неизбежность попадания частного человека как невольного участника тяжелых событий на роль преступника и жертвы. Даже пассивное участие в античеловеческих деяниях революционной стихии приводит героев к личностной сломленности и последующим мучениям.

3. В кризисные моменты жизни и истории для героев Булгакова остро встают вопросы веры, существования вечной жизни и воздаяния на Страшном суде. В «Белой гвардии» это связано в первую очередь с проблемой метаисторической, божественной оправданности революционного ужаса.

Находящаяся в свете этих вопросов несовместимость земного покоя, благополучия, а порой и просто жизни в новой действительности с сохранением чести, достоинства, верности себе и христианским заповедям – вот одна из главных трагических коллизий в произведениях М. А. Булгакова о русской революции и новой, советской России вообще.

Список литературы

1. Дынич Е. М., *свящ.* Восприятие революции в прозе И. А. Бунина : (на материале книги «Окаянные дни») : библейский контекст / священник Е. М. Дынич. – DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_164 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2022. – № 3 (20). – С. 164–179.

2. Дынич Е. М., *свящ.* Изображение революции в прозе И. А. Бунина в аспекте христианской духовной культуры : (на материале избранных рассказов 1920-х гг.) / священник Е. М. Дынич. – DOI: 10.51216/2687-

072X_2023_2_227 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023. – № 2 (23). – С. 227–247.

3. *Макаров, Д. В.* К проблеме авторского замысла в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Макаров Д. В. – EDN QZBGNN // Аналитика культурологии. – 2009. – № 13. – С. 150–155. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20154840_21018960.pdf (дата обращения: 06.06.2023).

4. *Булгаков, М. А.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Записки юного врача ; Белая гвардия ; Рассказы ; Записки на манжетах / М. А. Булгаков. – Москва : Художественная литература, 1989. – 623 с. – ISBN 5-280-00759-5.

5. *Булгаков, М. А.* Белая гвардия / Михаил Булгаков ; изд. подгот. Е. А. Яблоков ; отв. ред. Н. В. Корниенко. – Москва : Ладомир, 2015. – 824 с. – ISBN 978-5-86218-536-2.

6. *Коханова, В. А.* Пространственно-временная структура романа М. А. Булгакова «Белая гвардия» : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Коханова Валентина Александровна ; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2000. – 233 с. – URL: <http://m-bulgakov.ru/publikacii/prostranstvenno-vremennaya-struktura-romana-bulgakova-belaya-gvardiya/p3> (дата обращения: 03.06.2023).

7. *Орлова, О. А.* Эсхатологические мотивы в творчестве М. А. Булгакова: на примере романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Орлова Ольга Анатольевна ; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2008. – 227 с. – URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/jeshatologicheskie-motivy-v-tvorchestve-m-a-bulgakova-na-primere-romanov-belaja.html> (дата обращения: 03.06.2023).

8. *Чудакова, М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова / Мариэтта Чудакова. – 2-е изд., доп. – Москва : Книга, 1988. – 671 с. – ISBN 5-212-00075-0.

9. *Гаспаров, Б. М.* Новый Завет в произведениях М. А. Булгакова / Б. М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы : очерки русской литературы XX века. – Москва : Наука, 1993. – ISBN 5-02-017721-0. – С. 83–124.

10. *Ианнуарий (Ивлиев), архим.* И увидел я новое небо и новую землю : комментарий к Апокалипсису / архимандрит Ианнуарий (Ивлиев). – Москва : Издательство Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 2018. – VIII, 346 с. – (Современная библеистика). – ISBN 978-5-89647-353-4.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023

Статья поступила после рецензирования 09.10.2023.

Статья принята к публикации 30.10.2023.

UDC 2-591

**ARTISTIC DEPICTION OF THE
REVOLUTION IN M. A. BULGAKOV'S
PROSE OF THE 1920S: SPIRITUAL ISSUES
AND CHRISTIAN MOTIFS (BASED
ON THE NOVEL "THE WHITE GUARD")**

Evgeny Dynich, Priest
PhD Student at the Philology Department
Moscow Theological Academy
Trinity-Sergius Lavra, Sergiev Posad,
141300, Russia
E-mail: radtel@rambler.ru
ORCID: 0009-0007-5692-8376

For citation: Dynich E. M., priest Artistic depiction of the revolution in M. A. Bulgakov's prose of the 1920s: spiritual issues and Christian motifs (based on the novel "The White Guard") DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_225. EDN: QUIBCC // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 225–243 pp. (in Russian)

Abstract

The article examines Christian motifs that build an artistic depiction of the events of the Revolution and Civil War in M. A. Bulgakov's prose of the 1920s. The object of the study is the writer's selected works about the tragic events of Russian history in the first third of the 20th century. In particular the authors analyze the novel "The White Guard". A literary analysis of Bulgakov's works has shown that a characteristic feature of the work of the "hoaxer" writer is the play on modern plots with the help of biblical motifs. The author of the article focuses on the apocalyptic myth and the depiction of the spiritual path of the central characters of the novel "The White Guard". Using allegory, absurdity, irony, satire, literary play, Bulgakov encrypted in his work the spiritual tragedy of society.

The authors come to the conclusion that with the help of apocalyptic quotes and allusions, Bulgakov shows the collapse of worlds of different scales: the personal and family "apocalypse" of the heroes (the Turbins); local, Russian, historical (revolution) and metahistorical (all-human, final). According to the authors, the constant ambivalence of symbols and mythologies in Bulgakov's

works does not allow an unambiguous reading of the ending of the novel, and the appeal to Christian motifs in the depiction of revolutionary events is due to: 1) an irresistible longing for the destroyed former way of life and the association of the new order with the action of dark forces; 2) a personal responsibility for actions in the revolutionary elements; 3) questions of faith, eternal life and reward at the Last Judgment, arising in crisis moments of earthly existence.

Keywords: M. A. Bulgakov; The White Guard; stories and novellas of the 1920s; Christian tradition in Russian literature; biblical motifs; apocalyptic myth.

References

1. Dynich E. M., Priest *Vospriyatie revolyutsii v proze I. A. Bunina (na materiale knigi “Okayannye dni”): bibleiskii kontekst* [Perception of the revolution in the prose of I. A. Bunin: (based on the book “Cursed Days”): biblical context]. DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_164 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2022, no. 3 (20), pp. 164–179. (In Russian).

2. Dynich E. M., Priest *Izobrazhenie revolyutsii v proze I. A. Bunina v aspekte khristianskoi dukhovnoi kul'tury (na material izbrannykh rasskazov 1920-kh gg.* [Depiction of the revolution in the prose of I. A. Bunin in the aspect of Christian spiritual culture (based on selected stories of the 1920s)]. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_227 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2023, no. 2 (23), pp. 227–247. (In Russian).

3. Makarov D. V. *K probleme avtorskogo zamysla v romane M. A. Bulgakova “Master i Margarita”* [On the problem of the author’s intention in M. A. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies]. 2009, no. 13, pp. 150–155. (In Russian). Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20154840_21018960.pdf (accessed: 06.06.2023).

4. Bulgakov M. A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1989, vol. 1, Notes of a Young Doctor; The White Guard; Stories; Notes on Cuffs, 623 p. (In Russian).

5. Bulgakov M. A. *Belaya gvardiya* [The White Guard]. Moscow, Ladomir Publ., 2015, 824 p. (In Russian).

6. Kokhanova V. A. *Prostranstvenno-vremennaya struktura romana M.A. Bulgakova “Belaya gvardiya”*. *Dis. kand. filol. nauk* [Spatio-temporal structure of M. A. Bulgakov’s novel “The White Guard”. Cand. phil. sci.

dis.]. Moscow, 2000, 233 p. (In Russian). Available at: <http://m-bulgakov.ru/publikacii/prostranstvenno-vremennaya-struktura-romana-bulgakova-belaya-gvardiya/p3> (accessed: 03.06.2023).

7. Orlova O. A. *Eskhatologicheskie motivy v tvorchestve M. A. Bulgakova: na primere romanov "Belaya gvardiya" i "Master i Margarita"*. Dis. kand. filol. nauk [Eschatological motifs in M. A. Bulgakov's works: based on the novels "The White Guard" and "The Master and Margarita". Cand. phil. sci. dis.]. Moscow, 2008, 227 p. (In Russian). Available at: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/jeshatologicheskie-motivy-v-tvorchestve-m-a-bulgakova-na-primere-romanov-belaja.html> (accessed: 03.06.2023).

8. Chudakova M. O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* [Biography of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Kniga Publ., 1988, 671 p. (In Russian).

9. Gasparov B. M. *Novyi Zavet v proizvedeniyakh M. A. Bulgakova* [New Testament in M. A. Bulgakov's works]. *Literaturnye leitmotivy: ocherki russkoi literatury XX veka* [Literary Leitmotifs: Essays on Russian Literature of the 20th century]. Moscow, Science Publ., 1993, pp. 83–124. (In Russian).

10. Iannuariy (Ivliev), Archimandrite *I uvidel ya novoe nebo i novuyu zemlyu: kommentarii k Apokalipsisu* [And I saw a new sky and a new earth: commentary on the Apocalypse]. Moscow, Biblical-Theological Institute of St. Apostle Andrew Publ., 2018, VIII, 346 p. (In Russian).

Received 14 June 2023.

Reviewed 09 October 2023.

Accepted for press 30 October 2023.